УДК 821.161.1(045)

ORCID: 0000-0002-0485-7664

*Т.В. Зверева***ОБ ОДНОМ СЛУЧАЕ РЕЦЕПЦИИ БОЛДИНСКОГО МИФА: СЕРГЕЙ СТРАТАНОВСКИЙ**

Рассмотрен один из случаев воплощения болдинского мифа в ленинградском андеграунде 1970-х гг. Объектом исследовательского внимания является стихотворение «Болдинские размышления» Сергея Стратановского. Доказывается, что данный текст восходит к гипотезе Н.А. Бердяева о возможной встрече А.С. Пушкина и Серафима Саровского в 1830 г. Автор исследования выявляет один из центральных конфликтов русской культуры – противостояние между светской и духовной властью. В исследовании показано, что за противостоянием Пушкина и Серафима Саровского проступают контуры еще трех автономных сюжетов: литературного (Вальсингам и Священник), биографического (А.С. Пушкин и митрополит Филарет), металитературного (Бенедикт Сарнов и Вадим Кожин). Подобная структура текста позволяет говорить о присутствии архетипического для России сюжета, организующего парадигму русской культуры. В поэтическом тексте также обнаружена скрытая цитата из «Размышлений» Марка Аврелия, что позволяет, с одной стороны, рассматривать «Болдинские размышления» в философском контексте, а с другой – говорить о противопоставлении русской и европейской культуры.

Ключевые слова: Пушкин, «Пир во время чумы», болдинский миф, постмодернизм, возможные сюжеты, Марк Аврелий.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-6-1085-1092

Настоящая работа обращена к анализу стихотворения «Болдинские размышления» Сергея Стратановского. О функционировании центрального для русской культуры пушкинского мифа на сегодняшний день сказано много [5; 11; 20; 25; 30]. В важнейшем для отечественной филологии исследовании «Культурный герой Нового времени» М.Н. Виролайнен убедительно доказала, что в контексте русской культуры Пушкин воплощает идею пути – поэт не совпадает с самим собой, всякий раз вырываясь за пределы сложившейся смысловой формы [7. С. 111-135]. Особенно ярко эта особенность пушкинского творчества проявилась в Болдинскую осень 1830 г.: написанные в этот период произведения характеризуются не только жанровым многообразием (стихотворения – повести – сказки – драматические тексты), но и тем, что авторское отношение к жизни не сводимо к единому знаменателю. Отсюда – разнообразие финалов: от счастливых развязок в «Повестях Белкина» до трагического столкновения правд в «Маленькие трагедии». Уже не раз было отмечено, что в болдинских письмах открыто демонстрировались разные, подчас противоположные, ипостаси авторского «Я» (например, «праздного гуляки» и «нежного жениха»). Принцип сопряжения противоположностей, трагически не снимаемая противоречивость реальности становятся для поэта условиями ее жизнеспособности и подлинности. Болдинская осень – одновременно и высшая точка творческого вдохновения, и время кризисное по существу, поскольку именно в этот период происходит ревизия собственных взглядов [7. С. 190-237]. Ключевая для предшествующего периода проблема «Поэт и Царь» если не решалась, то постепенно отходила на второй план, уступая место более важному и острому вопросу, связанному с взаимодействием поэта с духовной властью. Позади – «Гаврилиада» и совсем недавняя беспрецедентная дискуссия с митрополитом Филаретом, впереди – «Странник» и стихи «Каменноостровского цикла».

Прежде, чем перейти к анализу «Болдинских размышлений», скажем несколько слов об особенностях поэзии Стратановского. В его творчестве имеется целый ряд текстов, непосредственно обращенных к русской словесности («Башмачкин», «Иван Федорович Шпонька», «Гоголь в Иерусалиме», «Обломов», «Князь Мышкин», «Залепетал в исступлении Шатов...», «Крысолов», «Шарики – Преображенскому», «Эдуард Багрицкий» и т. д.). При этом речь идет не об исходной логоцентрической установке и даже не о постмодернистской игре референтными планами, хотя и то и другое присутствует в указанных текстах. В первую очередь читатель имеет дело с филологической поэзией, ориентированной на поэтическую работу со смыслом. Феномен филологической поэзии связан с аналитическим авторским взглядом, дающим собственную интерпретацию тексту-предшественнику и выявляющем его скрытые смыслы. Не лишним будет напомнить, что Сергей Стратановский – человек, взращенный филологической средой (отец Георгий Стратановский – известный переводчик античности, прежде всего, Гесиода и Фукиды; мать Ольга Заботкина – переводчица с французского, а сам поэт окончил филологи-

ческий факультет Ленинградского университета, где был участником семинара Д.Е. Максимова). Отметим также, что в целом ленинградский андеграунд, к которому принадлежал Стратановский, тяготел к утонченно-филологическим прочтениям, и словесность часто становилась главным объектом поэтической рефлексии. Долгое время творчество поэтов этой школы было объектом внимания исключительно критиков [1; 3; 9; 23] и редко привлекало взгляд литературоведов¹.

Стихотворение «Болдинские размышления» занимает важное место в поэтической системе Стратановского. Развернутый в стихотворении сюжет о возможной встрече и окончательной не-встрече Пушкина и Серафима Саровского, с одной стороны, связан с постмодернистской установкой на «альтернативную историю», с другой – соотносен с принципами пушкинской поэтики («возможные сюжеты» [6; 18] или «сюжетная полифония» [29]).

Болдинские размышления

Из трагедии Вильсона
с а'нглинского перевод
Кончить сегодня бы...
В Болдине осень, дожди
И чума у порога
и страхом объятый народ
Отравителей ищет
и власти, видать, запретят
Из губернии выезд
и еще, говорят, где-то рядом
Где-то возле Сарова,
в верстах сорока от меня
Некий старец живет,
почитаемый многими здесь
В том числе и дворянством
Съездить что ли к нему?
Но зачем? На каком языке
С этим старцем молитвенным,
прозорливцем великим, аскетом
Говорить мне, поэту?
Светский я человек
Он – святой человек. Целый век
Век ехидства вольтерова
лежит между нами – а это
Баррикада немалая
Нет, не поеду к нему
Ну, а если б поехал,
что сказали б об этом в двадцатом
Будущем веке?
Приоткроем в грядущее дверь:
Не одобрит Сарнов,
ну а Кожинов будет доволен
Скажет: "Не символ ли это..."
Нет, не символ, а просто бывает порой
Тяжело человеку,
и хочет он что-то сказать
Что-то всем объяснить,
и не в силах

¹ Сложившаяся ситуация привела к тому, что ленинградский андеграунд так и остался в сознании массового читателя «незамеченной землей», о чем в свое время проницательно писал А. Нестеров: «...постсоветская критика не обладает соответствующим научным инструментарием для анализа подобного рода текстов, прежде всего – такой поэзии...» [21].

Вот и чума у порога
и уже на дорогах кордоны
Грозной девы дыханье
разлито повсюду. Поля
Дождь кропит бесконечный.
О, бедная наша земля!
Чьими молитвами ты...
Но не надо об этом, зачем
Делай дело свое
за столом, в кабинете рабочем
Из трагедии Вильсона
кончить пора перевод
Сцены той, где зачинщика оргий, певца
Обличает священник [27, с. 154-155].

В композиционном центре «Болдинских размышлений» – размышления Пушкина, связанные с поездкой в Саров. Наиболее важные в смысловом отношении части выделены инфинитивными конструкциями, которые, по точному наблюдению А. Жолковского, чаще всего употребляются «для размышлений об альтернативных вариантах жизни, недаром его классический англоязычный образец – “To be, or not to be...”» [10. С. 98]. Возможная поездка к старцу тождественна попытке изменить будущее и обойти предписанный характер судьбы (на принципиальную двойственность «вещного Слова» Пушкин указал еще в «Песне о Вещем Олеге», где пророчество Кудесника одновременно и приоткрывает и творит судьбу князя Олега). В конечном итоге Пушкин Стратановского уходит от соблазна получить ответ на вопрос о своей дальнейшей судьбе и остается дописывать перевод Вильсона.

Как и всякий рубежный текст, данное стихотворение ставит вопрос о конце одного времени и начале другого. Если говорить о поэзии Стратановского в целом, то в ней присутствует ясное осознание того, что в России исторические и культурные разрывы неизбежно носят мнимый характер, что прошлое, настоящее и будущее теснейшим образом связаны между собой, что постсоветская реальность на деле является изнанкой реальности советской, ибо сама по себе смена идеологии не дарует человеку свободы. В конце XX в. произошло переосмысление предшествующего культурного наследия, но часто пересмотр ценностей был связан только со сменой идеологических знаков. Именно к этому времени в отечественном литературоведении наметилась христианизация творчества Пушкина², повлекшая за собой христианизацию русской литературы в целом. Культивируемый предшествующей советской эпохой образ поэта-вольнодумца декабристского толка в угоду времени сменился на образ православного поэта. Как нам кажется, «Болдинские размышления» Стратановского вписываются в развернувшуюся на рубеже веков филологическую полемику, предъявляя свой собственный взгляд на современность.

Не вызывает сомнения, что сюжет о возможной встрече Пушкина с Серафимом Саровским был позаимствован Стратановским у Н.А. Бердяева. Являясь в 1970-ые гг. участником ленинградского религиозно-философского общества «Религия в современном мире», Стратановский хорошо знал труды Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Струве, С. Франка и пр. Гипотеза о «встрече»/«не-встрече» А.С. Пушкина и Серафима Саровского высказана Бердяевым в его самой известной книге «Смысл творчества»: «В начале XIX века жили величайший русский гений – Пушкин и величайший русский святой – Серафим Саровский. Пушкин и св. Серафим жили в разных мирах, не знали друг друга, никогда ни в чем не соприкасались. Равно достойные величия святости и величия гениальности – несопоставимы, несоизмеримы, точно принадлежат к разным бытиям. Русская душа одинаково может гордиться и гением Пушкина и святостью Серафима. И одинаково обеднела бы она и от того, что у нее отняли бы Пушкина, и от того, что отняли бы Серафима. И вот я спрашиваю: для судьбы России, для судьбы мира, для целей Промысла Божия лучше ли было бы, если бы в России в начале XIX века жили не великий св. Серафим и великий гений Пушкин, а два Серафима, два святых – св. Серафим в губернии Тамбовской и св. Александр в губ. Псковской?» [4. С. 146]. В.В. Розанов в статье «“Свя-

² Осмысляя критическую литературу о Пушкине, А.М. Гуревич писал в статье «Мифология пушкинистики»: «...насилованное насаждение версии о Пушкине-революционере способствовало “второму пришествию” мифа о православии и монархизме поэта, которое мы наблюдаем в наши дни. Словом, одна крайность порождает другую» [8. С. 20].

тость” и “гений” в историческом творчестве» оспорил бердяевскую концепцию и поставил вопрос в ином аспекте – о соотношении светской и духовной власти в России [24. С. 635-641]. Заметим, что именно в начале XX в. намечается переосмысление пушкинской поэзии в религиозном аспекте (С.Л. Франк «Религиозность Пушкина», П. Струве «Именем Пушкина», И.А. Ильин «Пророческое призвание Пушкина»)³. По понятным идеологическим причинам в советскую эпоху подобные размышления не приветствовались, однако в 1990-ые гг. в отечественной филологии идеи русских философов о православии Пушкина были подхвачены и развиты, в том числе и размышления Бердяева о возможной встрече поэта с Серафимом Саровским. При этом исследователи незамедлительно перевели метафорическое допущение Бердяева в сферу научной аргументации⁴.

Вслед за Бердяевым и Розановым Сергей Стратановский поднимает важнейшую для русской культуры проблему соотношения культуры и религии – сфер, традиционно в России тяготеющих друг к другу и одновременно отталкивающихся. «Болдинские размышления» выстроены как серия риторических вопросов, выражающих внутреннее смятение Пушкина. Оппозиция светский/святой («Светский я человек / Он святой человек») подчеркивает пропасть, разделяющую Поэта и старца, при этом тема границы актуализирована на всех уровнях художественной структуры: это и пространственные границы («на дорогах / кордоны»), и временная пропасть «Вольтерова века». Основная функция синтаксических переносов, на которых построен весь текст, – актуализация границы строки. Enjambement одновременно и усиливает раздели между строками и, напротив, способствует слиянию строк и строф. Значимое отсутствие знаков препинания в конце строк и строф не только подчеркивает идею границы, но и приводит к сдвигу смысловых значений, вследствие чего резко возрастает количество семантических связей. Подобная структура стиха порождает неопределенность смысла – граница, разделяющая светского поэта и прозорливого старца, то нейтрализуется, то, напротив, усиливается. Однако решающей, в конечном итоге, является разность «языков», на которых говорят герои («На каком языке <...> говорить мне, поэту?»).

Думается, что противоположение Пушкина и Серафима Саровского восходит к «Маленьким трагедиям» Пушкина, в основании которых лежит принцип контраста персонажей (Альбер и Барон, Дон Гуан и Командор, Моцарт и Сальери, Вальсингам и Священник). Вместе с тем пушкинские анти-тезы часто оказываются внешними: позиции героев не столько взаимоисключают, сколько взаимодополняют друг друга. У Стратановского контраст героев также открыто заявлен, но, как и у Пушкина, не является абсолютным. Так функцией провидения наделен и старец («прозорливец великий») и поэт («приоткроем в грядущее дверь»), а «бедная наша земля» хранима и божественными молитвами и поэтическим словом. «Болдинские размышления» отсылают к «Песне о вещем Олеге», где впервые открыто в пушкинской поэзии была поставлена проблема сакрального слова. В балладе Кудесник тождественен Поэту, его Слово наделено способностью видеть будущее и творить судьбы. В стихотворении Стратановского этот исходный симбиоз разрушен – Поэт не просто отделен от молитвенного старца, но противопоставлен ему.

Заявленное на сюжетном уровне противостояние героев усиливается благодаря функционированию трех сюжетов: литературного (Вальсингам и Священник), биографического (А.С. Пушкин и митрополит Филарет), металитературного (Бенедикт Сарнов и Вадим Кожин). Подобная структура текста позволяет говорить об архетипическом сюжете русской культуры. Как верно отметил В. Кривулин, стихотворения Стратановского «в лучшем смысле этого слова метафизичны, т. е. свидетельствуют не столько о переменах в актуальной ситуации окружающего мира, сколько о том, что остается на фоне этих перемер неизменным, пока существует мир и человек» [17. С. 323]. Последовательно рассмотрим каждый из указанных сюжетов.

Прежде всего, Стратановский предельно заостряет религиозный конфликт. В «Пире во время чумы» были поставлены так называемые «последние вопросы», которые касались не только законов

³ Наиболее радикально в этом аспекте высказался П. Струве: «Пушкин <...> склоняется перед неизъяснимой тайной Божьей, превышающей все земное и человеческое» [1. С. 61].

⁴ Среди этих работ – исследования Л.А. Краваль «Пушкин и Святой Серафим» [16], Б. Конухова «Сон в июльскую ночь. Пушкин и Серафим» [14], В.А. Котельникова «Святость, радость и творчество» [15], Н. Серединой «Пушкин и Саровская пустынь» [26]. В этом ряду следует упомянуть и снятый Б. Конуховым фильм «Сон в летнюю ночь», где развернут сюжет о встрече Пушкина и Саровского. На сегодняшний день все приводимые доказательства выглядят неубедительными. Вполне возможно, что в будущем у приверженцев этой идеи в руках окажутся факты ее подтверждающие и доказывающие научную правоту, но пока об этом говорить преждевременно.

земной реальности, но и законов вечности: для Вальсингама бытие сосредоточено в настоящем (*hic et ubique*), в то время как Священник ставит вопрос об ответственности человека не только за этот мир, но и за мир ушедших. Влияет ли земное существование человека на потустороннее бытие близких ему людей? Этот вопрос остается у Пушкина открытым: в финале Председатель погружен в «глубокую задумчивость» (по сути текст венчается молчанием, тем обрывом поэтического слова, который наблюдается в лучших произведениях поэта). Как это почти всегда бывает у Пушкина, в последней трагедии происходит столкновение двух точек зрения на мир, каждая из которых несет в себе часть истины. Онтологическая ситуация «Болдинских размышлений» также определяется предстоянием перед смертью («грозной девы дыхание / разлито повсюду»). В «Болдинских размышлениях» финал трагедии Вильсона еще не переведен, литературной встрече Вальсингама и Священника предшествуют мысли Пушкина о возможной встрече с «молитвенным» старцем. Эта не осуществленная в реальности встреча, по мысли Стратановского, и ляжет в основание «Пира во время чумы». Важно, что финал стихотворения также оказывается открытым – последняя строфа разомкнута благодаря открытой синтаксической конструкции.

Еще один из возможных претекстов Стратановского – развернутая в 1830 г. поэтическая полемика Пушкина с митрополитом Филаретом. Получив стихотворный ответ Филарета на «Стихи, сочиненные во время бессонницы», Пушкин пришел в восхищение: «Стихи христианина, русского епископа в ответ на скептические куплеты! – это, право, большая удача» [22. С. 398]. В свою очередь непосредственно обращенное к «русскому епископу» стихотворение «В часы забав иль праздной скуки...» пишется 19 января 1830 г., далее почти весь 1830 г. проходит под знаком начавшегося диалога. Показательно, что впоследствии в сборнике 1832 г. раздел 1830 г. Пушкин откроет именно этим произведением: «...обращение к Филарету, возглавившее годовой раздел, принимало иной, обобщенный смысл, уже не относящийся к митрополиту, – смысл обращения поэта к своему гению-руководителю, воплощающему в себе моральное чувство...» [13. С. 223]. Эти события имеют непосредственное отношение к стихотворению Стратановского, тем более, что «Болдинские размышления» непосредственно связаны с первым вариантом названия послания Филарета («Пушкин от мечтания перешедший к размышлению»).

Наконец, важное значение играют имена Бенедикта Сарнова и Вадима Кожина, упоминание которых не только разрушает временную последовательность, но и переводит текст в иную – ироническую – модальность. Апелляция к современным событиям придавала стихотворению злободневность. В 1989 г. «Литературная газета» инициировала рубрику «Диалог недели». Одной из наиболее острых стала встреча Б. Сарнова и В. Кожина, представителей радикального и охранительного течений в русской культуре [28. С. 2]. Ожесточенная полемика двух критиков еще раз выявила трагическую раздвоенность современной России – отсутствие общего языка, необходимого для поиска истины: «Наиболее острым и резким был “диалог” Б. Сарнова с В. Кожинным, полный взаимного яда, направленный на явную дискредитацию, уничтожение “противника”. Демократу Сарнову и консерватору Кожину просто не о чем, да и ни к чему на самом деле было “спорить”, т. е. взаимно выяснять и искать истину. Оба искали – Сарнов, кипятясь, Кожин отнюдь не лихорадочно – не аргументы, а возможность разоблачить собеседника» [12. С. 86]. Таким образом, в «Болдинских размышлениях» выявлена сквозная для русской культуры ситуация раскола языка. Вопрос, заданный Пушкиным («На каком языке <...> говорить мне...»), остается трагически нерешенным.

Итак, стихотворение Сергея Стратановского может быть прочитано как полемический текст по отношению к целому ряду претекстов. Вместе с тем «Болдинские размышления» не исчерпываются своей полемической составляющей – в последней строфе выявляется этическая и эстетическая позиция автора, и эта позиция едина с пушкинской. И автор, и его герой осуществляют свой окончательный выбор: «...делай дело свое / за столом, в кабинете рабочем». За этим программным утверждением скрыта цитата из «Размышлений» Марка Аврелия («Делай, что должен, и свершится, чему суждено»)⁵. Само название стихотворения Стратановского соотносимо с названием главного философского труда Марка Аврелия (кстати, Пушкину были хорошо известны «Размышления» римского философа:

⁵ Тема «Пушкин и Марк Аврелий» не разрабатывалась отечественной филологией, единственной работой, которую удалось обнаружить, является статья Н. Мазур. Исследовательница выявляет перекличку с Марком Аврелием в стихотворении «Стихи, сочиненные во время бессонницы», в частности, усматривает связь пушкинской метафоры «жизнь – мышья беготня» со следующим высказыванием философа: «Между тем, сравнение жизни с «беготней испуганных мышей» (*juvisicov etoцилѣвсов диатро/уаи*) встречается у Марка Аврелия» [19. С. 251]. Кстати, «Стихи, сочиненные во время бессонницы» написаны все в том же – 1830 г.

в 1777 г. в Петербурге вышел перевод Д. И. Фонвизина «Слово похвальное Марку Аврелию, сочиненное г. Томасом, членом Французской академии»). Пушкин Стратановского уходит от соблазна перерешить собственную судьбу и остается там, где должен быть Поэт, – за своим рабочим столом. Для автора «Болдинских размышлений» важно и то, что фигура Марка Аврелия исторически соотносится с закатом/распадом Римской империи. В условиях разрушающейся культуры максимы римского императора обретали особое значение. Злободневность стихотворения определяется в первую очередь авторскими интуициями, связанными с ощущением настоящих и грядущих катаклизмов. Рубеж XX–XXI вв. в этом и других стихотворениях осмыслен автором как время окончательного ухода из «золотого века» русской культуры.

В конечном счете, смысловой вектор «Болдинских размышлений» обусловлен движением от Серафима Саровского к Марку Аврелию, от вопрошания судьбы – к ее приятию, от религиозного спасения – к спасению поэтическому. Единственной охранной грамотой для русской культуры («О, бедная наша земля! / Чьими молитвами ты...»), по-прежнему, остается Творчество, способное остановить «грозную деву-чуму» на пороге столетий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин. Статьи. Очерки. Речи. М.; Рыбинск, 1998. 495 с.
2. Арьев А. Зырянин Тютчев // Звезда. 2004. № 12. С. 154-156.
3. Бак Д. Сто поэтов начала столетия: Пособие по современной русской поэзии. М.: Время, 2015. 576 с.
4. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
5. Богданова О.В. «Пушкин – наше все»: Литература постмодерна и Пушкин. СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. 239 с.
6. Бочаров С.Г. О реальном и возможном сюжете: «Евгений Онегин» // Динамическая поэтика: От замысла к воплощению. М.: Наука, 1990. С. 28-29.
7. Виролайнен М.Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. 503 с.
8. Гуревич А.М. Сокровенные смыслы. Статьи о Пушкине (1984–2011). М.: Совпадение, 2011. 208 с.
9. Давыдов Д. "Кто же он на самом деле?..." // Новый мир. 2006. № 12. С. 182-184.
10. Жолковский А.К. Об инфинитивных «Стихах уклониста Б. Рыжего» // Историко-филологический сборник «Шиповник». М.: Водолей Publishers, 2005. С. 96-111.
11. Загидуллина М.В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2001. 234 с.
12. Иванова Н.Б. Скрытый сюжет: Русская литература на переходе через век. СПб.: Блиц СПб, 2003. 560 с.
13. Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1976. 340 с.
14. Конухов Б. Сон в июльскую ночь. Пушкин и Серафим // Наш современник. 2006. № 6. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?id=10&n=6&y=2006> (дата обращения: 20.06.2020).
15. Котельников В. А. Святость, радость и творчество // Христианство и русская литература. Сб. 3. СПб.: Наука, 1999. С. 59-66.
16. Краваль Л.А. Пушкин и Святой Серафим // Христианская культура. Пушкинская эпоха. Вып. X. СПб.: СПбЦ правосл. культуры, 1996. С. 26-30.
17. Кривулин В.Б. «Клянушие метафизики» и «девка-утопия» // Русские утопии. СПб.: Terra fantastica, 1995. С. 322-341.
18. Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990; "Евгений Онегин": Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 472–762.
19. Мазур Н. О мышиной беготне, Пушкине, Марке Аврелии и об условно-функциональных контекстах // Историко-филологический сборник «Шиповник». М.: Водолей Publishers, 2005. С. 250-260.
20. Маркович В.М. Трансформация пушкинского мифа о поэте и поэзии в лирике поэтов ленинградского андеграунда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2005. № 1. С. 3-14.
21. Нестеров А. Герменевтика, метафизика и «другая критика» // Новое литературное обозрение. 2003. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/3> (дата обращения: 24.06.2020).
22. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М.: Воскресенье, 1996. Т. 14. 560 с.
23. Рогинский Б. Из-за моря // Звезда. 2010. № 3. С. 208-212.
24. Розанов В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. 734 с.
25. Сараскина Л.И. Пушкинский миф в русской культуре: легенды, анекдоты, клише // К истории отечественной культуры и искусства. 2018. № 4. С. 128 -161.
26. Серегина Н. Пушкин и Саровская пустынь // Христианская культура. Пушкинская эпоха. СПб.: СПбЦ правосл. культуры, 2001. С. 4-51.
27. Стратановский С. Изборник: стихи 1968–2018. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 384 с.

28. Что делать? [Диалог недели: В. Кожин – Б. Сарнов] // Литературная газета. 1989. № 13. С. 2.
29. Чумаков Ю.Н. Два фрагмента о сюжетной полифонии «Моцарта и Сальери» // Болдинские чтения. – Горький, 1981. С. 32-44.
30. Шеметова Т. Г. Пушкинский миф: функционирование в русской культуре. // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 10. С. 201-217.

Поступила в редакцию 17.03.2020

Зверева Татьяна Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

T.V. Zvereva

ABOUT ONE CASE OF PERCEPTION OF THE BOLDINSKY MYTH: SERGEY STRATANOVSKY

This article considers one of the cases of embodiment of the Boldinsky myth in the Leningrad underground of 1970s. The object of research attention is the poem «Boldinsky Reflections» of Sergey Stratanovsky. The author of the article believes that the given text goes back to N.A. Berdjaev's hypothesis about possible meeting of A.S. Pushkin and Serafim Sarovsky in 1830. The author of research reveals the central conflict of Russian culture – opposition of the secular and spiritual power. Opposition of heroes is strengthened thanks to three latent plots: literary (Walsingham and the Priest), biographic (A.S. Pushkin and metropolitan Filaret), metaliterary (Benedict Sarnov and Vadim Kozhinov). Such structure of the text allows us to speak about the presence of an archetypical plot for Russia, which organizes the paradigm of Russian culture. The author has found out the latent citation from Marcus Aurelius' "Reflections", which allows us, on the one hand, to consider Boldinsky Reflections in a philosophical context and, on the other hand, to speak about the opposition between Russian and European culture.

Keywords: Pushkin, «A Feast in Time of Plague», boldinsky myth, postmodernism, possible plots, Marcus Aurelius.

REFERENCES

1. «V krayu chuzhom...». Zarubezhnaya Rossiya i Pushkin. Stat'i. Ocherki. Rechi[«In edge the stranger...». Foreign Russia and Pushkin. Articles. Sketches. Speeches]. M.; Rybinsk, 1998. 495 s. (In Russian).
2. Arev A. Zyryanin Tyutchev [Zyryanin Tyutchev] // Zvezda [Star]. 2004. № 12. S. 154-156. (In Russian).
3. Bak D. Sto poe'tov nachala stoletiya: Posobie po sovremennoj russkoj poe'zii [Hundred poets of a beginning of the century: the Grant on modern Russian poetry]. M.: Vremya, 2015. 576 s. (In Russian).
4. Berdyaev N.A. Filosofiya svobody. Smy'sl tvorchestva [Freedom philosophy. Sense of creativity]. M.: Pravda, 1989. 608 s. (In Russian).
5. Bogdanova O.V. «Pushkin – nashe vse»: Literatura postmoderna i Pushkin [«Pushkin – our all»: the literature of a postmodern and Pushkin]. SPb.: Fak-t filologii i iskusstv SPBGU, 2009. 239 s. (In Russian).
6. Bocharov S.G. O real'nom i vozmozhnom syuzhete: «Evgenij Onegin» [About a real and possible plot: "Evgenie Onegin"] // Dinamicheskaya poe'tika: Ot zamy'sla k voploshheniyu [Dynamic poetics: From a plan to an embodiment]. M.: Nauka, 1990. S. 28-29. (In Russian).
7. Virolajnen M.N. Rech i molchanie: Syuzhety i mify russkoj slovesnosti [Speech and silence: Plots and myths of Russian literature]. SPb.: Amfora, 2003. 503 s. (In Russian).
8. Gurevich A.M. Sokrovennye smysly. Stati o Pushkine (1984–2011) [Secret senses. Articles about Pushkin (1984–2011)]. M.: Sovpadenie, 2011. 208 s. (In Russian).
9. Davy'dov D. "Kto zhe on na samom dele?.. " ["Who it actually?"] // Novy'j mir [The new world]. 2006. № 12. S. 182-184. (In Russian).
10. Zholkovskij A.K. Ob infinitivny'x «Stixax uklonista B. Ry'zhego» [About infinitive «Verses by B.Ryzhij»] // Istoriko-filologicheskij sbornik «Shipovnik» [The istoriko-philological collection "Dogrose"]. M.: Vodolej Publishers, 2005. S. 96-111. (In Russian).
11. Zagidullina M.V. Pushkinskij mif v konce XX veka [Pushkin myth in the end of the XX-th century]. Chelyabinsk: Chelyabinskij gos. un-t, 2001. 234 s. (In Russian).
12. Ivanova N.B. Skry'ty'j syuzhet: Russkaya literatura na perexode cherez vek [The latent plot: the Russian literature on transition in a century]. SPb.: Blicz SPb, 2003. 560 s. (In Russian).
13. Izmajlov N.V. Ocherki tvorchestva Pushkina [Sketches of creativity of Pushkin]. L.: Nauka, 1976. 340 s. (In Russian).

14. Konuxov B. Son v iyul'skuyu noch. Pushkin i Serafim [Dream in July night. Pushkin and Serafim] // Nash sovremennik [Our contemporary]. 2006. № 6. URL: <http://www.nash-sovremennik.ru/p.php?id=10&n=6&y=2006> (data obrashheniya: 20.06.2020). (In Russian).
15. Kotelnikov V.A. Svyatost', radost' i tvorchestvo [Sanctity, pleasure and creativity] // Xristianstvo i russkaya literatura [Christianity and the Russian literature]. Sb. 3. SPb.: Nauka, 1999. S. 59-66. (In Russian).
16. Kraval' L.A. Pushkin i Svyatoj Serafim [Pushkin and Sacred Serafim] // Xristianskaya kul'tura. Pushkinskaya e'poxa [Christian culture. A Pushkin epoch]. Vyp. X. SPb.: SPbCz pravosl. kul'tury, 1996. S. 26-30. (In Russian).
17. Krivulin V.B. «Klyanushhie metafiziki» i «devka-utopiya» [«Cursing metaphysics» and "maid-utopia"] // Russkie utopii [Russian utopias]. SPb.: Terra fantastica, 1995. S. 322-341. (In Russian).
18. Lotman Yu. M. Pushkin: Biografiya pisatelya; Stat'i i zametki, 1960–1990; "Evgenij Onegin": Kommentarij [Pushkin: The Biography of the writer; Articles and notes, 1960-1990; "Evgenie Onegin": The Comment]. SPb.: Iskusstvo-SPB, 1995. S. 472–762. (In Russian).
19. Mazur N. O my'shinoj begotne, Pushkine, Marke Avrelii i ob uslovno-funkcional'ny'x kontekstax [About mouse bustle, Pushkin, Mark Avrelii and about is conditional-functional contexts] // Istoriko-filologicheskij sbornik «Shipovnik» [The istoriko-philological collection "Dogrose"]. M.: Vodoley Publishers, 2005. S. 250-260. (In Russian).
20. Markovich V.M. Transformaciya pushkinskogo mifa o poe'te i poe'zii v lirike poe'tov leningradskogo andegraunda [Transformation of a Pushkin myth about the poet and poetry in the lyric poet of poets of the Leningrad underground] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika [the Bulletin of the St.-Petersburg university. A series 9. Philology. Oriental studies. Journalism]. 2005. № 1. S. 3-14. (In Russian).
21. Nesterov A. Germenevtika, metafizika i «drugaya kritika» [Hermeneutics, metaphysics and «other criticism»] // Novoe literaturnoe obozrenie [The New literary review]. 2003. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/3> (data obrashheniya: 24.06.2020). (In Russian).
22. Pushkin A.S. Poln. sobr. soch [Complete works]: V 19 t. M.: Voskresen'e, 1996. T. 14. 560 s.
23. Roginskij B. Iz-za morya [From overseas] // Zvezda [The Star]. 2010. № 3. S. 208-212. (In Russian).
24. Rozanov V.V. Sobranie sochinenij. O pisatel'stve i pisatelyax [Collected works. About writing and writers]. M.: Respublika, 1995. 734 s. (In Russian).
25. Saraskina L.I. Pushkinskij mif v russkoj kul'ture: legendy, anekdoty, klishe [Pushkin myth in Russian culture: legends, jokes, a cliché] // K istorii otechestvennoj kul'tury i iskusstva [To history of domestic culture and art]. 2018. № 4. S. 128–161. (In Russian).
26. Seregina N. Pushkin i Sarovskaya pustyn [Pushkin and Sarovsky deserts] // Xristianskaya kul'tura. Pushkinskaya e'poxa [Christian culture. A Pushkin epoch]. SPb.: SPbCz pravosl. kul'tury, 2001. S. 4-51. (In Russian).
27. Stratanovskij S. Izbornik: stixi 1968-2018 [The selected works: verses 1968-2018]. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaxa, 2019. 384 s. (In Russian).
28. Chto delat'? (Dialog nedeli: V. Kozhinov – B. Sarnov) [What to do? [Dialogue of week: V.Kozhinov – B.Sarnov]] // Literaturnaya gazeta [The Literary newspaper]. 1989. № 13. S. 2. (In Russian).
29. Chumakov Yu. N. Dva fragmenta o syuzhetnoj polifonii «Mocarta i Sal'eri» [Two fragments about subject polyphony of "Mozart and Salieri"] // Boldinskie chteniya [Boldinsky readings]. Gor'kij, 1981. S. 32-44. (In Russian).
30. Shemetova T.G. Pushkinskij mif: funkcionirovanie v russkoj kul'ture [«In edge the stranger...». Foreign Russia and Pushkin. Articles. Sketches. Speeches]. // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bulletin of the Buryat state university]. 2010. № 10. S. 201-217. (In Russian).

Received 17.03.2020

Zvereva T.V., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru